

Юлия БЕЛОМЛИНСКАЯ

Дело гражданина Бендера

Я почти десять лет прожила без телевизора, и поэтому нынче, не теряя пресловутой "духовности", смело могу себе позволить иногда часами глядеть в него бессмысленно и замороженно. Я с отвычки до сих пор удивляюсь, как это в нем картинка движется.

На днях важная информация прервала мой заколдованный сон: оказывается, главная звезда нашего театра и кино Олег Меньшиков снимается сразу в двух сериалах.

Один по мотивам пастернаковского "Доктора Живаго", а другой — "Золотой теленок" Ильфа и Петрова.

Обе вещи уже имеют свою кинематографическую историю. Остапом Бендером успели побывать уже две звезды, Юрий и Миронов, а также свежий артист Гомишвили и какой-то неведомый француз, ибо была прошедшая незаметно французская экранизация.

Что касается доктора Живаго — то кто ж его не знает! Кто ж не покатывался со смеху, глядя на сладкого Омара Шарифа с прилизанными усиками, окруженного опереточными "руски казак". При этом посреди развесистой голливудской клюквы "а ля рюсс" существовала абсолютно настоящая Лара — великая Джули Кристи. Лара очаровала всех, как некогда Одри Хепберн — Наташа Ростова, тоже настоящая, посреди бутфорской чепухи на тему "Войны и мира".

В общем, можно сказать, что Живаго и не играли, а Бендера поиграли дай Боже.

И тем не менее, я совершенно уверена, что Меньшиков справится с обеими ролями. Ведь обе роли — это его главная и постоянная тема, тема русского интеллигента. Когда-то она была заявлена его дебютом — "Покровскими воротами", и он никогда с ней не расставался.

То, что роман "Доктор Живаго" рассказывает о страданиях русского интеллигента, — это ясно всем. Что касается дилогии про Остапа, то жанр книги — это, конечно же, классический плутовский роман.

Вопрос о причастности Остапа к интеллигенции никогда не возник бы, если бы "злая старуха" Надежда Мандельштам в своих "Воспоминаниях" не обвинила бы эту книгу в наезде на русскую интеллигенцию.

Она утверждает, что книга полна издевательств над замученным революцией и советской властью интеллигентом, и апофеозом этого издеательства является порка Васисуалия Лоханкина на коммунальной кухне.

Надежде Мандельштам, естественно, начали возражать. Сначала просто писали, что Васисуалий — это карикатура на некоего бездельника и альфонса, хоть и называющего себя интеллигентом, но имеющего к ней весьма отдаленное отношение. И что в книге есть настоящие, чистые и светлые образы интеллигенции, например, инженер Треухов с его мечтой о старгородском трамвае или та же Зося Синица — студентка.

Но потом нашлся храбрец, который впервые осмелился заметить, что сам герой романа — плут Остап — тоже является интеллигентом, что "Остапиада" — самая что ни на есть интеллигентская книжка, и именно поэтому она так любима всякими "физиками и лириками". Храбреца этого немедленно заклевали разные критики и литературоведы. Конечно же, московско-питерские, они просто не могли позволить объявить русским интеллигентом двухсотпроцентного одессита Остапа.

А я тогда, живя в Америке в тесном соседстве с южнорусской, в том числе одесской общиной, имея возможность наблюдать ее нравы и манеры, согласилась с московско-питерским вердиктом: книжка, безусловно, не антиинтеллигентская, но Остап к слову "интеллигент" не имеет никакого отношения.

Но давеча, услышав о двойном проекте Меньшикова, я снова задумалась над этим вопросом и, сняв с полки дилогию, перечитала ее очень внимательно, пытаюсь найти ответ.

И теперь я, конечно же, твердый и убежденный адвокат Остапа Ибрагимовича Бендера.

Для произнесения защитной речи мне, в первую очередь, пришлось сформулировать само понятие "интеллигент". Чем оно отличается от понятия "интеллектуал", или "человек умственного труда". Мне помог Эдуард Лимонов, сказавший в интервью: "Я интеллектуал, но я не интеллигент. Для меня нет табу".

Да, это ключ к формулировке. "Интеллигент" — это три составляющие:

Во-первых, высокий "ай-кью".

Во-вторых, хорошее систематизированное образование.

И в третьих, некий моральный кодекс, система запретов, то, что в старые времена называлось словом "порядочность".

Стало быть, умный, образованный и порядочный человек — это "интеллигент". И не только русский — интеллигент любого народа попадает под это определение. Заметьте, среди этих трех необходимых и достаточных нет понятия "культурный". То есть хорошие манеры — чудесно, если они присущи интеллигенту, но их может и не быть. Интеллигент может быть грубоват, он может быть до некоторой степени хулиганом или клоуном. Он может свалиться пьяный в канаву или, например, по "иронии судьбы" (а также водки, смешанной с пивом) улететь в невменяемом состоянии из Москвы в Ленинград, и при этом остаться интеллигентом. Такой вот парадокс.

Вот теперь, когда есть четкая формулировка, я начинаю свою речь.

Судите сами, господа присяжные заседатели, проходит ли мой подзащитный по всем трем категориям.

Для начала придется рассказать вам про детство и юность героя.

Как известно, прообразом для Остапа, то есть для его словечек, шуточек и внешности служил некий одесский человек по имени Остап. Он был старшим братом поэта-символиста, с которым дружили Ильф и Петров.

Насколько я понимаю, этот реальный Остап, в начале двадцатых работавший в отделе борьбы с бандитизмом, в одесском угрозыске, был абсолютным кумиром юных Ильфа и Петрова. То есть это был такой Глеб Желтов одесского разлива. Остап был знаменитый романтический Рыцарь Революции, а брат его был начинающей поэтической знаменитостью. Кто знает, может, из него вышел бы еще один Багрицкий или Светлов, но в начале двадцатых его убили бандиты, перепутав со старшим братом Остапом, с которым давно хотели покончить. Эта была история, всколыхнувшая всю Одессу. Настоящий жестокий романс.

В последнем "куплете" глава одесских налетчиков, чуть ли не сам Мишка Япончик, якобы похоронивший бедного поэта за свой счет под многократный салют из бандитских наганов, поздно ночью пришел к безутешному брату Остапу просить прощения за чудовищную ошибку. Остап его простил, и они пили всю ночь и читали наизусть стихи погибшего символиста. Вот такие сюжеты иногда лихо закручивает жизнь. Недавно я обнаружил у раннего Селинджера рассказ с точно таким сюжетом. Правда, там убивают вместо брата композитора, проигравшегося в карты, брата поэта, случайно севшего раз, в кои-то веки, за рояль.

Реальный Остап уехал в Москву примерно в одно время с Ильфом и Петровым, Катаевым, Олешей и всей этой бражкой.

Какое-то время он работал в московском угрозыске, а к концу тридцатых, когда каждому, кто не дурак, стало "кое-что ясно", ушел оттуда и стал чем-то не вполне понятным — то, что называлось словом "хозяйственник". В общем, "лег на дно". Вынырнул лишь однажды, когда началась война: пятидесятилетний Остап ушел добровольцем и провоевал всю войну, до самого Берлина. А потом опять жил так, чтобы о нем не вспоминали.

Когда-то в конце двадцатых он охотно давал интервью. Ильф и Петров не скрывали, что он прообраз Остапа, но к середине тридцатых книга была негласно запрещена, изъята из библиотек и пробыла в полуподполье около двадцати лет. Все эти годы Остап-прообраз жил тише воды ниже травы, благодаря чему уцелел, прожил очень долгую жизнь и умер где-то в восьмидесятых. С наступлением "оттепели" и возвращением дилогии в "любимые народные книги" эта история снова всплыла, вместе с нею всплыл и тот, реальный Остап. Снова были какие-то рассказы о нем журналистов, и сам он с удовольствием рассказывал об одесской юности, о дружбе с Ильфом и Петровым и о своей причастности к рождению Остапа Бендера.

Вот такая история.

Но это история человека, подарившего Остапу имя, внешность, лексику и манеры.

Между тем мне удалось вычислить, внимательно читая книгу, биографию Остапа — литературного персонажа. Она отнюдь не совпадает с биографией прообраза. В первую очередь, возраст. Он указан вполне точно.

В 1927-м году в уездный Старгород входит "молодой человек лет двадцати восьми". Слегка округлив, мы получаем тот факт, что Остап Бендер — ровесник века.

Из этого следует, что он точно не воевал в первую мировую, а к семнадцатому году, когда все полетело в тартаары, благополучно успел окончить гимназию.

Гимназия как раз и была одним из аргументов того заклеванного столичными критиками защитника Остапа. Он писал, что Остап произносит фразу: "Из какого класса гимназии вас вытурили за неуспешность? Из шестого?". И когда Васисуалий признается, что из пятого, Остап говорит: "Значит, до физики Краевича вы не дошли".

Из этого следует, что сам-то Остап дошел до этой "физики Краевича", то есть до выпускного класса. Далее тот защитник писал, что любой человек, окончивший царскую гимназию, — автоматически хорошо образованный человек, стало быть, интеллигент.

Да, по всему выходит, что Остап благополучно успел окончить гимназию.

Вполне конкретную, в книге она несколько раз упоминается — это известная одесская гимназия Илиади. Русская гимназия, дающая классическое образование. Ну, теперь у многих дети ходят в гимназии, и что там за образование, все примерно знают. В плане гуманитарном выпускник гимназии подкован примерно на уровне дипломника университета советских времен. Так по образовательному цензу мой подзащитный смело проходит в интеллигент. Я думаю, что в его "ай-кью" тоже сомневаться не приходится. Котелок у Остапа явно варит — дай Бог каждому.

Остается третье — моральный кодекс. Именно на отсутствие коего у героя, а в первую очередь, у авторов дилогии, как раз и наехала Надежда Мандельштам. И вот тут я смею выразить свое глубокое несогласие.

Для начала попробем вычислить социальное и этническое происхождение Остапа.

Ясно, что Остап — одессит. В книге есть хитрый трюк — "отстранение". Одесса как бы раздваивается: с одной стороны, упоминается реальный город, из которого Остап, безусловно, родом, и отдельно от нее существует мифический Черноморск, на самом деле все та же Одесса, но этот город не фиксируется как родина Остапа. Ну, это обычный литературный прием. Значит, все-таки одессит, окончивший гимназию Илиади.

Гимназия Илиади была заведением не для бедных. И заведением глубоко светским. Ясно, что Остап — еврей.

Особенно это ясно всем видам антисемитов. Еврейское происхождение Остапа — одна из причин неприязни патристических настроенных интеллектуалов к этой книге.

С перестройкой была развернута целая кампания по борьбе с народной любовью к бедному Остапу. Народу долго пытались объяснить, что "не наш" он и не достоин нашей любви. С особой злобой упирали на то, что ажиотаж вокруг "Остапиады" раздули физики. Слово "интеллигент" для юдофоба еще до семнадцатого года стало, во-первых, ругательным, а во-вторых, синонимом слова "еврей", а вот слово "физик" приобрело эти два качества несколько позже. Я лично не раз слышала, как человек говорит: "Ильф, Петров, Багрицкий там всякий — все это херня, это все эти ваши "физики" придумали. Тьфу!".

Физики... А у меня вот двойка по физике всю жизнь. И до физики Краевича я никогда не дошла.

А Остап — дошел!

Тем не менее, то, что Остап — "еврей еврей", ясно лишь одним антисемитам. Они нас в этом и убедили. А сами Ильф и Петров в этом никого не пытаются убедить.

Для них это вообще неважно. Для них важно то, что Остап — одессит. То есть человек одесской, "южанской" культуры. Но — русскоязычной при этом. Остап разговаривает на очень хорошем русском литературном языке. И это не случайно, это отражение некоей тенденции, традиции воспитания, которая возникла в среде богатых одесситов в начале прошлого века, невзирая на их этнические и религиозные корни.

На самом деле я нашла некое доказательство того, что наполовину он еврей, точно.

Вот это странное словосочетание: "Папа — турецко-подданный".

Современному человеку оно ничего не говорит, но в той старой, дореволюционной Одессе, жизнь которой была завязана на хлеботорговле, жило множество турецких евреев — хлебных маклеров. Евреем и турецким подданным был еще один "герой" русской истории — чудовищный Нафталий

Френкель, духовный отец сталинской системы лагерей. Это ему принадлежит знаменитая фраза: "В первые три месяца мы должны взять от заключенного все, а потом он нам не нужен".

То есть это нам кажется, что "папу — турецкого подданного" Ильф и Петров сочинили для смеху, но в старые времена одесский еврей — турецкий подданный — было обычное и совершенно не смешное явление.

Папа Остапа, похоже, не врач, не адвокат, не владелец аптеки, а именно хлебный маклер еврейско-турецкого происхождения. Отсюда — русскоязычность и русскокультурность Остапа. Его отец — космополит и ассимилянт, как многие торговые люди. Остап не привязан ни к какой религиозной конфессии.

Он — атеист, язычник, это как раз подходящий вариант для ребенка из смешанной семьи, особенно в те сумасшедшие времена. Так что мать его может быть и русской, и полькой, и гречанкой. Для чистого еврея у него слишком уж решительный подбородок. Вообще, такая замечательная "медальная красота" очень свойственна полукровкам.

С уверенностью можно сказать одно: никаким евреем Остап себя не считает, русским тоже. Он, похоже, единственный космополит, и, пожалуй, это единственная точка, в которой он сходится с советской властью: космополитизм буржуазного сына Остапа вполне совпадает с интернационализмом победивших коммунистов. Во всем остальном Остап, как известно, с советской властью расходится.

Как вы помните, в оба романа Остап Бендер входит пешком и абсолютно нищим.

То есть не просто жулик или авантюрист, но в обоих случаях — пешеход.

Человек, обладающий недюжинным "ай-кью", отличным образованием, по неведомой причине в первом романе к двадцать седьмому году имеет в своем активе подержанную астролябию и яблоко. И никто не задается вопросом: а почему, собственно?

Вот тут важен факт еврейского, хотя бы наполовину, происхождения Остапа.

Ведь это происхождение давало ему, сыну богача-торговца, право на вход в "наш новый мир", построенный революцией. Дети русских купцов, промышленников, дворян — все они были "лишечки", парии. Им требовались особые заслуги для приема в новую жизнь. А евреи после революции проканали как "пострадавшие от царизма".

Это похоже на американских негров, которые все как один числились у нас за "пострадавших от американского расизма", следовательно, они были для советской власти "родные". Благодаря этому еще при Сталине до нас доехал "о мен ривер" — Поль Робсон, а при Хрущеве первыми американскими ласточками, перелетевшими через железный занавес, стали "пострадавшие" звезды джаза.

Вот это получалось и с евреями: они поголовно числились "жертвами царизма", то бишь своими-нашими, и невзирая на социальное положение, имели возможность вступить в партию и успешно подвизаться во всех начинаниях молодой советской власти.

Правда, была и вторая сторона медали: пока шла гражданская война, для белых точно так же все поголовно евреи считались сторонниками красных. Когда приходили белые или зеленые, евреев били, опять же, невзирая на социальное положение, то есть "мочилово" шло чисто по этническому признаку.

Но в результате победили красные, и вот такому Остапу, мальчику из хорошей семьи, оснащеному прекрасным гимназическим образованием, в этой новой России были открыты все дороги. Новая власть протягивала к нашему герою свои ласковые окровавленные руки и с удовольствием нашла бы применение его хорошему образованию и блестящему "ай-кью". Получается, что при переделе страны такой вот парень с одесским "бекграундом" вполне подходил в "наследники". Я сама частично из семьи таких "наследников". Но я и не причисляю себя к потомственным интеллигентам.

Но мы сейчас не обо мне — об Остапе.

Почему же он, мой подзащитный, отказался от наследства? Почему месит ногами пыль с яблоком в кармане и астролябией под мышкой? Почему он не едет в роскошном автомобиле? Почему он не работает в угрозыске? Или комиссаром? Или одним из многочисленных деятелей и управителей культуры? Почему Остап — не управленец, хозяйственник? Почему, в конце концов, ес-

ли уж он жулик, он сам не стал Корейко — авантюристом высокого масштаба?

Ответ на этот вопрос только в одном.

Вспомните первый выход героя. Он дает яблоко беспризорику. Он говорит про ключ от квартиры, где деньги лежат. Денег у Остапа на тот момент нет ни копейки. У него есть астролябия, которую он мечтает продать, чтобы поужинать, и вот это яблоко.

Яблоко он отдает голодному ребенку. Это мелкий штрих, но именно такими штрихами и написан образ моего подзащитного.

Читая диологию как "Дело Бендера", я обнаружила множество маленьких незаметных поступков, из которых следует, что плут и авантюрист Остап Бендер — абсолютно благородный и порядочный человек. Вот это и есть его основное расхождение с советской властью — неблагородной и непорядочной.

Тут, конечно, незримый обвинитель может сразу напомнить мне про дутый золотой браслет и ситечко, украденное у вдовы.

Вот что я на это отвечаю. Помимо всего прочего красавец Остап еще и не алфонс. Он об этом лишь тихо мечтает, но природная порядочность мешает ему реализовать эти мечты. Вдове — богатую старую распутницу — молодой красавец Остап одарил некоторым количеством любви и ласки, спер у нее в виде компенсации, считай, ерунду, и при этом его мучает совесть! Он говорит Кисе — что это, конечно, "пошло", ссылается на безвыходное положение комиссионеров, сам у себя пытается просить прощения. В общем, вполне реальный комплекс вины. При этом вдова — это единственная реально не красивая история на всю диологию.

Что касается основных сюжетных линий обеих книг, то в первом случае Остап помогает Воробьянинову вернуть его собственное имущество, а во втором наезжает на крупного преступника Корейко с просьбой немного поделиться. То есть он никого не грабит и не обманывает — все честно.

Несмотря на то, что "Остапиада" — классический плутовской роман, Остап, срисованный со следователя, работника одесского угро, в обеих книгах ведет своего рода расследование. В первом случае это поиск стульев, а во втором — собрание досье на Корейко.

При этом по всей ткани диологии разбросаны бесконечные остаповские "луковки" — мелкие поступки, характеризующие его, обладателя не самых лучших манер, как человека доброго и благородного. Вспомните, он велит притормозить машину и взять убегающего от толпы Паниковского. На хрена ему, спрашивается, старый идиот, укравший гуся? А просто — жалко.

Он, в общем-то, по-матерински заботится о другом малосимпатичном старике — Кисе Воробьянинове.

И конечно же, он искренне привязывается к "экипажу Антилопы".

Там, в "Золотом теленке", посреди всего этого смеха есть сцена, у большинства людей вызывающая слезы, — смерть Паниковского. Удивительным своим талантом Ильф и Петров, великолепные стилисты, достигают в этой сцене поистине гоголевской "шинельной" ноты.

За сценой похорон следует другая, почти незаметная. Остап садится в поезд, а потом выскакивает, догоняет уходящих антилоповцев и сует в руку Козлевицу весь их общий на тот момент капитал — пятнадцать рублей. Как мамаша, пихающая деньги детям. За себя он не переживает, переживает за ставших своими охломонов.

В середине "Теленка" Остап говорит, что он никогда никого не убивал. Сейчас, слава Богу, такую фразу может сказать о себе большинство молодых мужчин, но в "Теленке" — то на дворе примерно тридцатый год. И Остапу — тридцать. В его семнадцать началась революция, гражданская война, и, соответственно, у любого из его ровесников мужского полу было множество различных возможностей кого-нибудь убить. Или самому быть убитым.

Остап ни в каком месте не заявлен трусом. Более того, он явно не хлюпик физически. Но видно, что он сильно не любит драться. Его метод — все-таки, если можно, убежать.

Остап периодически дает по шее кому-то из своих подопечных или соратников, именно по шее, а не по морде. В данном случае он просто выполняет добровольно возложенные на себя функции "мамаша", то есть кормит, поит, обеспечивает ночлег, а в случае непослушания награждает оплеухами. И Киса, и антилоповцы при Остапе — на положении детей.

Остап не просто благородный и порядочный. Он человек с аллергией на запах крови, на все виды насилия. Получается, что Остап — абсолютная плоть от плоти своих создателей, одесских, "южанских" и, тем не менее, русских интеллигентов Ильфа и Петрова.

Вот она, русская интеллигенция, которую интеллект Ленин определил как "жидкое

дерьмо". Остап — чистоплюй. И никакой живой ум, никакое хорошее образование и природное обаяние не поможет ему стать богатым и успешным в той, послереволюционной России.

Сын Ильфу и Петрову, племянник другим представителям южной школы — Олеше, Булгакову. В общем-то, три великих "южанских" романа: наша "Остапиада", "Зависть" Олеси и "Мастер и Маргарита" Булгакова.

"Зависть" выпадает, она не стала всенародно любимой книгой, потому что в ней не оказалось никого, кого можно было бы полюбить. Читая "Зависть", можно полюбить только талант писателя Олеси. Олеша взял реванш на детях: "Три толстяка" наполнены героями, в которых мы влюбляемся с детства и на всю жизнь.

У Булгакова — да. Но Булгаков был потом. А сперва — вот эта народная мистерия. Сказание об Остапе.

Я рассказала вам его прошлое. Там есть какие-то пробелы. Что же он все-таки делал в Одессе во время революции и гражданской войны?

Я сообразила, что тусовался с творческой интеллигенцией. И не обязательно в Одессе. Прекрасно образованный мальчик начал

оно выглядит. Убежать не удалось. Представить себе вот такого Остапа выжившим в тридцатые, сороковые и пятидесятые — нереально. Парень явно не жилец. Не выживет. Как не выжили и его отцы — Ильф и Петров. От лагерей Ильфа и Петрова с их шуточками и поездочками в Америку спасла одного — болезнь и ранняя смерть, другого — война и гибель на ней. Остап, я думаю, и до войны бы не дотянул.

Впрочем, есть ровно один вариант голливудского конца, и этот вариант стоит того, чтобы чисто по-американски написать продолжение любимого романа.

Единственный шанс Остапа, чтящего уголовный кодекс, но все-таки являющегося по профессии мелким жуликом, — это сесть в начале тридцатых по уголовке. Сесть как "социально близкому", но, скажем, за хищение какой-нибудь государственной собственности — надолго. Как "социально близкому" уголовнику попасть в "придурки".

Я отчетливо вижу Остапа, например, режиссером или актером какой-нибудь Гулаговской самодеятельности.

Вот так наш герой, пожалуй, и смог бы дотянуть до середины пятидесятых и в цветущем возрасте пятидесяти пяти лет выйти за лагерные ворота... кем?

вариться в этом красочном борще, в котором варились тогда мальчики и девочки и в Киеве, и в Одессе, и в Москве, и в Питере, неоднократно пересекая страну из конца в конец. Перетекая из одной тусовки в другую. Можно легко представить себе его в любой из этих тусовок. И в коммуны Дома искусств, и на чердаке у Цветаевой, и в "ванной-спальне" у Есенина с Мариенгофом...

Все мемуары о тех годах полны вот такими бойкими, "не пришей к губе рукав" южанами. Все они красавцы, все они таланты, все они поэты... Остап, как вы помните, совершенно не умеет рисовать, но литературный дар у него, безусловно, имеется. И конечно же, склонность к режиссерскому осмыслению пространства.

Есть еще одно подозрение. Мало кто замечает, что Остап не бесконечно одинок. У него, если приглядеться, есть друзья. Это бывшие студенты-химики Коля Красоткин и не появляющийся в романе Пантелей Антопуло, судя по фамилии — его одесский земляк. Отношения Остапа с Колей и незримым Антопуло явно близкие. Запросто можно предположить, что в какой-то момент Остап успел побыть и московским студентом-химиком. Вот такое стопроцентно интеллигентское прошлое.

Сочинять будущее Остапа даже и не хочется, до того безрадостно и безнадежно

го, и он не захотел его дальше мучить. Хотя и у Живаго был шанс — он доктор. Тот же шанс — придурком, в больницу. Но великий выживатель Пастернак к этому моменту уже сам так измучился, сам так устал выживать, что решил избавить своего героя от этой тяжелой работы: жить в неправильное время в неправильном месте.

Да, они могли умереть одновременно — выживатель Остап и выживатель Пастернак.

А Живаго умер раньше, почти одновременно с Ильфом. Чуть позднее умер Петров — этот умер самой лучшей смертью, на войне, защищая это неправильное, но бесконечно любимое место.

Все вы врите, Владимир Ильич, насчет жидкого дерьма — дерьмо, как известно, не тонет.

А интеллигенция тонула, еще как тонула. Полны братские могилы, полны выгребные ямы, всюду вперемежку с крестьянством, пролетариатом и служащими лежит пролойкою интеллигенция. Вместе с остальным народом ее долго и упорно косили.

Не знаю, убедительно ли позвучала моя защитная речь.

Итак, резюме, господа присяжные заседатели.

Мое мнение, что оба они — и Остап Бендер, и доктор Живаго — родные братья, русские интеллигенты. Они по одну сторону.

Правильные ребята посреди неправильного места и времени. Их непохожесть друг на друга — это непохожесть Буратино и Пьеро. Один бойкий весельчак, другой грустный нытик. Один в пудре, другой в румянах, но оба они пытаются не позволить Карабасу Барабасу дергать себя за нитки. И мечтают о Волшебной стране.

Далеко, далеко, далеко...

И никакого тебе папаша Карло.

Куда ни плюнь, всюду были сплошные Карабасы. Потом их сменили Дуремары. Потом — Коты Базилио и Лисы Алисы. На этом мы, кажется, стоим и по сей день.

Единственное, что утешает, — наша изрядно покошенная интеллигенция непонятно с какого хрену все время возрождается. Ну, все наше неправильное место — это некий ванька-встанька. В том числе и интеллигенция.

И вот опять под крик о том, что кругом сплошь коты да лисы, что русскому интеллигенту пришел конец, что опять его, беднягу, обманули и не дали порулить (а когда это ему давали рулить? не его это чистоплюйское дело), в России по-прежнему — культ интеллигенции.

Вот в чем разница. Интеллигенция, безусловно, есть повсюду, но в культ она возведена именно у нас.

У нас велико число людей, которые хотели бы, чтобы так могли называться их дети. Актер Меньшиков сказал в интервью, что увлеченный своей работой в театре, вообще не собирался возвращаться в кино, но есть роли, от которых не отказываются.

Главный Супермен и Мувиастар страны — Лицо Швейцарских Часов — почитает за честь стать двуединым ликом русской интеллигенции, в обеих ее ипостасях — и в "рыжей", и в "белой".

Интеллигент по-прежнему наряду с храбрыми разведчиками остается главным героем нашего кинематографа. Полностью изгнанный из него в первой половине двадцатого века, он высочил во время "оттепели" аксеновскими врачами, баталовскими физиками, он въехал в нашу жизнь на ослике очкастым Шуриком из "Кавказской пленницы" и, наконец, вернувшись из всех геологических и археологических экспедиций, куда предусмотрительно загнала его с глаз подальше советская власть, окончательно осел в бесконечные рязановские НИИ.

Каждую новогоднюю ночь к взрослым приходят свои, "взрослые" Дед Мороз и Снегурочка. Это Женя и Надя — врач и учительница. Наследники тех, земских врачей и учительниц.

На них, на старых интеллигентов, все больше и больше оглядываются. Аксеновский роман "Московская сага" стоит около двадцати баксов. Дорого. При этом роман сильно средний. Но его раскупают, лихо раскупают.

Потому что его герои, семья потомственных интеллигентов, превратились в героев популярного сериала. И тем, кто покупает эту книгу, значит, нравятся такие вот чистоплюйские герои.

И вот пришла очередь Бендера и Живаго. Бендера и так любят и знает вся страна.

А Живаго пока что был сугубо интеллигентским достоянием, но понятно, что вслед за "Идиотом" явившийся к народу из телеэкрана русский доктор Юрий Живаго станет, как и прочие герои любимых сериалов, каждому близким родственником. Станет востребован и в бумажном виде — издан, переиздан, прочитан и, смею надеяться, — понят.

И все это, как сказал бы русский интеллигент старинных времен, весьма похвально и утешительно.

Ну конечно, писателем!

С его-то наблюдательностью, ярким языком и несомненным литературным даром он не выдержал бы и взялся за мемуары. Что-то успели бы протасовать в "Новый мир" или в какую-нибудь "Звезду Востока". На Запад пуганый Остап, конечно, ничего бы не дал. Вообще, я думаю, от Москвы он бы в какой-то момент шуганулся и вернулся бы в родную Одессу. И там устроился бы куда-нибудь... Ну, скажем, в театральные критики. Приобрел бы социальный статус члена какого-нибудь Литфонда. И годам к семидесяти, скорее всего, умер бы, — люди его поколения и его судьбы как-то не зажились на этом свете. Сердце у них чаще всего пошаливало.

"...И не то чтобы с чем-то за сорок —

ровно семьдесят, возраст смертный, И не просто какой-то пасынок —

член Литфонда покойный смертный..."

Это не о нем. Это Галич написал на смерть Пастернака, отца другого русского интеллигента — "Доктора Живаго".

Доктор Живаго тоже не жилец, несмотря на свою фамилию. Он умирает в середине двадцатых — Остап в это время еще скачет бодрым козлом.

На Остапа у его создателей рука сначала поднялась, а потом дрогнула.

У Пастернака, писавшего в пятидесятых, — не дрогнула.

Ему было абсолютно ясно, что ждет Жива-